

Ю.В. Архангельская
Ju. V. Arkhangelskaya

**ИННОВАЦИОННЫЙ МОДУС ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
Л.Н. ТОЛСТОГО: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**INNOVATIONAL MODE OF LANGUAGE IDENTITY
OF L.N. TOLSTOY: FUNCTIONAL ASPECT**

Исследование продолжает собой цикл статей, посвященных анализу инновационного модуса языковой личности Л.Н. Толстого. Вводя данный термин, автор называет им способность личности к созданию языковых и речевых новообразований, а также особенности проявления данной способности. Первая статья цикла (см. «Филологос» 4(39) за 2018 год) была посвящена прагматическому аспекту проблемы, вторая – терминологическому и типологическому аспектам (см. «Филологос» 1(52) за 2022 год). В настоящей работе анализу подвергаются функциональные возможности толстовских инноваций. Автор статьи считает целесообразным разграничивать близкие, но не тождественные понятия: «функция», то есть определенная роль, выполняемая той или иной единицей, и «функционирование», то есть то, как именно выполняется данная роль. Наиболее характерными для инноваций Л.Н. Толстого признаются следующие функции: номинативная (идентифицирующая), терминологическая, характеризующая (оценочная), дидактическая, эфемистическая, парольная, функция оберега и функция самоидентификации. Они подвергаются подробному анализу, при этом используется обширный иллюстративный материал из текстов Л.Н. Толстого разных стилей и жанров, из мемуарной литературы о писателе, а также из современных дискурсов. Установлено, что данные функции не являются специфическими, а характерны для инноваций разных типов (по широте распространения): как для идиоинноваций (то есть новообразований, которые используются многократно, но только самой языковой личностью, их породившей) и камерных единиц (то есть тех, употребление которых ограничено ближним кругом; применительно к данному исследованию – членами семьи, людьми, близкими к Толстым или к Ясной Поляне), так и для крылатых, то есть узуальных, единиц. Анализ функционирования толстовских инноваций показал, что одна и та же единица может выполнять разные функции при использовании ее в разных контекстах, а также одновременно выполнять разные функции при употреблении в одном и том же контексте.

Ключевые слова: *инновационный модус языковой личности, функции, функционирование, идиоинновации, камерные новообразования, крылатые единицы.*

The research continues the cycle of articles dealing with the analysis of the innovational mode of L.N. Tolstoy's language identity. Introducing this term, the author uses it to name the ability of the identity to create language and speech innovations as well as peculiarities of the manifestation of this ability. The first

article of the cycle (see «Филологос» 4(39) dt. 2018) studied pragmatic aspect of the issue, the second dealt with the terminological and typological aspects (see «Филологос», 1(52) dt. 2022). In the current work the functional abilities of Tolstoy's innovations are analyzed. The author of the article considers it reasonable to separate close but not identical concepts: "function" i.e. the specific role of a certain unit, and "functioning" i.e. how this role is performed. The following functions are considered the most characteristic of L.N. Tolstoy's innovations: nominative (identifying), terminological, qualificative (evaluative), didactic, euphemious, authentication, function of amulet and function of self-identification. They are thoroughly analyzed. At the same time the vast illustrative material is used from L.N. Tolstoy's texts of different styles and genres, from memoirs about the writer, as well as from modern discourses. It is established that these functions are not specific, but are specific for innovations of different types (by expansion range): both for idioinnovations (i.e. innovations that are used repeatedly, but only by the language identity that created them) and chamber units (i.e. the ones used only by the close circle; applicable to this research – by family members, close people to the Tolstoys and to Yasnaya Polyana), and for winged i.e. usual units. The analysis of functioning of Tolstoy's innovations showed that the same unit can fulfil different functions when used in different contexts, and at the same time fulfil different functions when used in the same context.

Key words: innovational mode of language identity, functions, functioning, idioinnovations, chamber innovations, winged units.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-56-1-21-28

Анализ проблемы инновационного модуса языковой личности Л.Н. Толстого был начат нами в двух предшествующих статьях данного цикла, в первой из которых был введен и обоснован термин «инновационный модус языковой личности» (названным термином предлагалось обозначать способность личности к созданию языковых и речевых новообразований, а также особенности проявления данной способности), а также речь в ней шла о преломлении этого понятия в прагматическом плане [1], во второй статье исследование было сосредоточено на терминологическом и типологическом аспектах проблемы [2].

Анализируя инновационный модус языковой личности в функциональном аспекте, считаем целесообразным разграничивать близкие, но не тождественные понятия: «функция», оперируя которым мы имеем в виду определенную роль, выполняемую той или иной единицей, и «функционирование», употребляя которое мы сосредоточиваем внимание на том, как именно выполняется данная роль.

Наиболее характерными для инноваций Л.Н. Толстого считаем следующие функции: номинативную (идентифицирующую), терминологическую, характеризующую (оценочную), дидактическую, эвфемистическую, парольную, функцию оберега и функцию самоидентификации.

Остановимся на каждой из них более подробно.

1. Номинативная (идентифицирующая) функция.

Среди камерных инноваций Л.Н. Толстого, то есть тех, употребление которых ограничено ближним кругом (членами семьи, людьми, близкими к Толстым или к Ясной Поляне), данную функцию выполняют микропонимы и имена собственные.

Толстовские микропонимы, такие как *дерево бедных*, *дом Волконского*, *дом Кузминских*, *Абрамовская посадка*, *Чепыж*, *Калинов луг*, *Красный сад*, *Клины*, *Заказ* и множество других, выполняют номинативную функцию, поскольку, называя различные места в усадьбе Ясная Поляна, помогают идентифицировать их. До сих пор именно в этой функции их употребляют работники музея, экскурсоводы, составители путеводителей по

территории заповедника, кроме того, их используют на официальном сайте музея-усадьбы Л.Н. Толстого.

Некоторые одинаковые имена собственные, которые носили постоянные жители или гости Ясной Поляны, требовали дополнения или уточнения. Так появились камерные инновации *big Maia* и *little Maia*. *Big* (англ.) – старшая, *little* (англ.) – младшая. *Big Maiey* называли в детстве М.А. Кузминскую – дочку сестры С.А. Толстой, когда она с родителями гостила в Ясной Поляне, чтобы отличать ее в разговоре, в письмах, дневниковых записях и при обращении к ней от М.Л. Толстой, дочери Льва Николаевича и Софьи Андреевны, которую, в свою очередь, называли *little Maiey*. Так, в дневнике старшей дочери Л.Н. Толстого Татьяны читаем: «Ходили с *big* и *little Maiami* к Варваре Николаевне; она нам посплетничала про своих соседей» (запись от 28 июня 1882 г.) [7, 37].

Трех дворовых девушек в усадьбе Ясная Поляна также звали одинаково – Дуняшами. Поэтому, чтобы различать их, были придуманы прозвища: *Дуняша по дорожкам*, *Дуняша позабылась* и *Дуняша, мамá пришла за делом*. О том, почему к их именам были присвоены такие забавные дополнения, помогающие идентифицировать их, вспоминает сын Л.Н. Толстого Илья: «Когда мы с ней [гувернанткой-англичанкой. – Ю.А.] гуляли по саду, мы вели себя хорошо и не пачкались в траве, а когда раз послали с нами Дуняшу, мы убежали от нее в кусты. Она нам кричала: "Дети, по дорожкам, по дорожкам", – и мы с тех пор прозвали ее "*Дуняша по дорожкам*". Другая Дуняша, горничная, все забывала и называлась "*Дуняша позабылась*". Третья Дуняша, жена приказчика Алексея Степаныча, называлась "*Дуняша, мамá пришла за делом*". Она жила во флигеле внизу и всегда запиралась на замок. Когда мы с мамá приходили к ней, мы стучали и кричали: "*Дуняша, мамá пришла за делом*". Тогда она отпирала клеенчатую дверь и впускала нас» [10, 41].

2. *Терминологическая функция.* Всем известное заглавное имя героини романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в настоящее время используется как составная часть двух научных терминов: *синдром Анны Карениной* и *принцип Анны Карениной*.

Термин *синдром Анны Карениной* используется в психологии, данным термином обозначают психологическое расстройство, которое встречается у влюбленного человека и заключается в потере контроля над собственной личностью и в абсолютной зависимости от другого человека, как это случилось с героиней романа Л.Н. Толстого. Такое поведение нередко свойственно современным влюбленным женщинам, переживающим кризис среднего возраста. «У женщин среднего возраста этот кризис может проявляться в виде *синдрома Анны Карениной*, для которого характерно переживание эротической любви по подростковому, или юношескому, типу: безрассудное и даже опасное поведение, манкирование своими обязанностями перед близкими и профессиональными обязанностями, демонстрация подросткового эротизма, для которого характерно предаваться страсти с любовником в неподобающих местах <...> что может приводить к различным неприятностям и негативно влиять как на карьеру женщины, так и на ее семейную жизнь», – отмечает О.В. Швецова [12].

Второй термин, содержащий имя толстовской героини, *принцип Анны Карениной* в настоящее время используется в разных науках. Ввел и популяризировал его Джаред Даймонд в книге «Ружья, микробы и сталь» [4]. Формулировка принципа построена по модели известной крылатой фразы Л.Н. Толстого, с которой начинается роман «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И состоит данный принцип в следующем: успех любого дела (проекта, замысла, предприятия) возможен лишь при одновременном наличии целого ряда факторов, а отсутствие хотя бы одного из таких факторов обрекает его на неудачу. Так, Виктор Сиротин в статье «Принцип Анны Карениной в программировании и ИТ» пишет: «Интерпретациям этого принципа, получившего имя "*Принцип Анны Карениной*", посвящено немало научных публикаций и даже отдельная статья в Википедии. Что означает этот принцип? Очень сложные химические, физические, биологические, психологические,

социальные и т. п. системы могут долго и успешно существовать и развиваться, только если их части хорошо подходят друг к другу и к внешней среде. Если бы мы были в состоянии описать такие системы каким-то количеством параметров, то заметили бы, что для каждого класса систем существует совсем немного "успешных" комбинаций этих параметров» [6]. Профессор Александр Горбань и его соавторы, исследуя адаптацию различных систем к внешней среде, отмечают: «все хорошо приспособленные системы похожи, все неприспособленные системы не справляются с адаптацией каждая по-своему» [13]. Как видим, формулировка *принципа Анны Карениной* в последней цитате построена по модели толстовской фразы, с которой начинается роман, поэтому, возможно, было бы правильнее взять имя заглавной героини в составе термина в кавычки, ведь понятно, что термин отсылает нас не к ее образу, а к тексту романа, однако он уже вошел в употребление без кавычек.

3. *Характеризующая (оценочная) функция.* Данную функцию выполняют как камерные инновации Л.Н. Толстого, употребление которых ограничено ближним кругом людей, так и общеупотребительные, ставшие крылатыми и вошедшие в узус единицы. И те, и другие могут характеризовать: а) лицо; б) ситуацию; в) мировоззрение самого писателя.

Инновации, характеризующие лицо.

Функция отрицательной оценки свойственна, например, таким камерным новообразованиям Л.Н. Толстого, называющим лицо, как *Фифи Долгорукая* и *протоиереев сын*. Первое представляет собой ироничное прозвище, придуманное писателем для обозначения пустой великосветской барышни. Старшая дочь Л.Н. Толстого Татьяна пишет в дневнике: «Недавно папá вечером спорил с мамá и тетей Таней и очень хорошо говорил о том, как он находит хорошим жить, как богатство мешает быть хорошему. <...> Он говорил, что главная часть нашей жизни проходит в том, чтобы стараться быть похожей на *Фифи Долгорукую*, и что мы жертвуем самыми хорошими чувствами для какого-нибудь платья» (запись от 12 сентября 1882 г.) [7, 53]. Устойчивая в толстовском дискурсе единица *протоиереев сын* была им придумана для обозначения и ироничной оценки человека, для которого приоритетными являются знания, полученные из книг, но который не умеет делать выводы из собственных наблюдений, из собственного опыта. Вот как об употреблении этого устойчивого сочетания Львом Толстым пишет его сын Илья: «Соловьев, как мыслитель, никогда не был близок моему отцу, и очень скоро он перестал его интересовать совсем. Отец считал его человеком "головным" и применял к нему эпитет "*протоиереев сын*". – Таких много, – говорил он. – "*Протоиереев сын*" – это человек, живущий исключительно тем, что ему дает книга. Начитается и делает из прочитанного выводы. А *своего собственного* [выделено автором. – Ю.А.], самого дорогого у него ничего нет. Есть и среди *протоиереевых детей* умные люди, как, например, Страхов, он был даже очень умен, и, если бы он думал *от себя* [выделено автором. – Ю.А.], он был бы велик, а вот в этом и было его несчастье, что он тоже был "*протоиереев сын*". Это определение я слышал от отца уже несколько лет после смерти обоих помянутых выше лиц» [10, 190–191].

Крылатые выражения, авторство которых принадлежит Л.Н. Толстому, также могут выполнять функцию характеристики лица. Так, известное выражение *Он пугает, а мне не страшно* употребляется в русском языке как ироническая характеристика человека, стремящегося напугать кого-либо. По свидетельству современников, таким образом Л.Н. Толстой выразил свои впечатления от прочтения произведений Л.Н. Андреева, фраза была подхвачена газетчиками и вскоре стала крылатой.

Инновации, характеризующие ситуацию.

Идиономацией (этим термином мы называем новообразование, которое используется многократно, но только самой языковой личностью, ее породившей) *Исповедоваться я еще могу, а причащаться – нет* Л.Н. Толстой иронически характеризовал ситуацию, возникающую, когда, по причине болезни, ему приходилось обращаться к врачам. Под «исповедью» Л.Н. Толстой подразумевал медицинский осмотр, под «причащением» – принятие лекарств. В конце жизни во время различных недомоганий Л.Н. Толстому нередко

приходилось обращаться к докторам, поскольку на этом настаивала его жена, сам же он к медицине относился критически, особенно к приему лекарств, предпочитая народные средства. Секретарь писателя Н.Н. Гусев вспоминает: «Вчера приезжал ко Льву Николаевичу, по приглашению Софьи Андреевны, известный московский врач Щуровский. Лев Николаевич, улыбаясь, сказал мне про него: – Лечили меня вчера... Он был мне скорее приятен... *Исповедоваться я еще могу, а причащаться – нет.* Он там йод прописал...» [3, 143].

Существует немало толстовских крылатых выражений, выполняющих функцию характеристики ситуации. Например: *Все смешалось в доме Облонских* (употребляется как образное определение путаницы, неразберихи); *Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить* (цитируется, чтобы подчеркнуть, как все то, что ладно и гладко в теории, на практике не получается, не выходит); *дубина народной войны* (характеризует мощь народного сопротивления вторжению иноземцев); *Писали, не гуляли* (ироническая оценка большого количества написанных книг); *Кто хлебал в моей чашке?* (попытка выяснить, кто прикасался к еде, посуде говорящего; шутивная угроза).

Инновации, характеризующие мировоззрение Л.Н. Толстого.

Известно, что в 70-е – начале 80-х годов XIX века в мировоззрении Л.Н. Толстого произошел перелом, который сам писатель называл *духовным рождением*. Эту идионовацию он использует неоднократно. Например, в своих неоконченных «Воспоминаниях» писатель делит свою жизнь на три периода и отмечает, что его *духовное рождение* наступило между третьим и четвертым периодами: «Вспоминая так свою жизнь, т.е. рассматривая ее с точки зрения добра и зла, которые я делал, я увидел, что моя жизнь распадается на четыре периода: 1) тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до 14 лет; потом второй ужасный 20-летний период грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, – похоти; потом третий 18-летний период от женитьбы до моего *духовного рождения*, который с мирской точки зрения можно бы назвать нравственным, так как в эти 18 лет я жил правильной, честной семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам, но все интересы которого ограничивались эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всякого рода удовольствиями. И, наконец, четвертый 20-летний период, в котором я живу теперь и в котором надеюсь умереть и с точки зрения которого я вижу всё значение прошедшей жизни и которого я ни в чем не желал бы изменить, кроме как в тех привычках зла, которые усвоены мною в прошедшие периоды» [11, т. 34, 347]. Другая идионовация – *настоящая жизнь* – в дискурсе Л.Н. Толстого означает жизнь души после смерти тела: «Как ни неприятно говорить о себе, своем здоровье, зная, что ты интересуешься, должен сказать, что со мной сделались на днях сердечные припадки, очень хорошие, [потому] ч[то] больше всякой другой болезни напоминающие о смерти, следовательно, и о *настоящей жизни*» (из письма Л.Н. Толстого к брату, С.Н. Толстому, от 13 июля 1903 г.) [11, т. 74, 154].

Для многих современников, да и для людей нашего времени Л.Н. Толстой был в первую очередь великим мыслителем, а уж потом писателем. Не случайно в русский язык и в речевое употребление вошло немало толстовских единиц, характеризующих именно его мировоззрение. Выражение *единое на потребу*, которое также становится крылатым благодаря Л.Н. Толстому, написавшему в 1905 году статью с таким названием, восходит к Евангелию. Фраза «Марфа, Марфа, печешеся о мнозем, единое на потребу», которой писатель заканчивает свое произведение, посвященное критике государственной власти и официальной религии, заимствована из Евангелия от Луки (X, 41, 42). В устах Толстого выражение *единое на потребу* обозначает единственное средство избавления «от тех всех зол, от которых страдают люди», и средство это есть «внутренняя работа каждого человека над самим собою» [11, т. 36, 205]. Писатель не раз употребляет данное выражение как устойчивое в письмах: «Читаю я теперь в свободное время книгу Ренана «Будущие науки» – это он написал в 48 году, когда еще не был эстетиком и верил в то, что *единое на потребу*»

[11, т. 65, 210]; «Полагаю, что если вас интересует то, что *единое на потребу*, вы сами найдете в Евангелии разрешение всех вопросов» [11, т. 70, 24].

4. Дидактическая функция.

С характеризующей функцией устойчивых единиц у Л.Н. Толстого часто связана дидактическая функция. Поздний Толстой учит. В этом он видит основную цель своей жизни и деятельности, в том числе на писательском поприще. Неслучайно поэтому, что многие инновации Толстого наряду с характеризующей выполняют дидактическую функцию. Так, современники Л.Н. Толстого упоминают о том, что он использовал в своем дискурсе выражение *колупать стену* в значении «стараться всеми способами, разнообразными с принципом непротivления, противостоят злу и несправедливости жизни». Например: «Каменная стена, давно уж стиснувшая русскую жизнь и душу кольцом, всегда была для Льва Николаевича ненавистна. – Надо во что бы то ни стало разрушить эту стену, – твердил он с страстным убеждением. – Каждый из нас должен *колупать* эту *стену* хоть ногтем... Каждый должен хоть камешек вынуть из нее... Толкать, бить, пробуравливать, чтобы, наконец, изрешетить ее!.. Нельзя успокаиваться, примиряться, пассивно складывать руки... Давайте же все "*колупать стену*"» [8, 326].

5. Эвфемистическая функция.

Известно, что Л.Н. Толстой много думал о смерти, однако в частном экзистенциальном дискурсе писатель нередко избегает прямых наименований смерти и перехода от жизни к смерти, прибегая к различным перифразам и метафорам эвфемистического характера. Такие идиомы, как *вступление в другую форму жизни, до последнего звонка, ехать последний перегон, переезд через главный перевал, превратиться в азот и кислород, подготовиться к вступительному экзамену, путешествие* (в значении «переход в другой мир, умирание»), писатель употреблял в качестве эвфемизмов, предпочитая не использовать прямые наименования, когда приходилось писать о смерти, чтобы не ранить чувства своих адресатов, например, в письмах.

6. Функция оберега.

Е.Е. Левкиевская, анализируя славянский оберег как факт традиционной народной культуры, определяет его как магический способ охраны человека и его мира от опасности [5, 6]. «Наличие апотропеической функции, т. е. использование текста для предотвращения опасности, уже делает текст оберегом в широком смысле слова, независимо от наличия у него апотропеической семантики» [5, 274].

Вот именно таким образом и в такой функции использует Л.Н. Толстой свою идиому *если буду жив* и ее сокращенный (аббревиатурный) вариант – *е. б. ж.* Это устойчивое выражение не следует путать с общеупотребительной формулой речевого этикета *если будем живы*, которую принято употреблять в конце писем. *Если буду жив* (*е. б. ж.*) – устойчивая формула, которую Л.Н. Толстой, достигнув определенного возраста (с 1890-го г.), стал периодически помещать в начале, а не в конце своих дневниковых записей, нередко в сокращенном виде. Для Толстого эти слова были наполнены особым смыслом. Постарев, он суеверно опасался загадывать что-либо наперед, особенно во время болезни, и данная формула была чем-то вроде оберега. Это тем более вероятно, что нередко он записывает «*если буду жив*» или «*е. б. ж.*» в дневнике накануне следующего дня, а основной текст, часто начинающийся со слова «жив», пишет уже на следующий день. Например: «14 апр. [18]90. Я[сна]. П[оляна]. *Если буду жив*. [18 апреля.] Жив и здоров, и прожил с тех пор 4 дня. Нынче 18 апр. Встал поздно, выспался, сел за работу послесловия. Думал много, написал мало...» (из дневника Л.Н. Толстого; записи от 14 и 18 апреля 1890 г.) [11, т. 51, 37]. С течением времени сокращенная формула данного выражения начинает использоваться Толстым в дневниках чаще, чем полная. Так, в дневнике писателя за 1890 г. выражение *если буду жив* в полном виде встречается 32 раза, в сокращенном виде – 12 раз. А через пять лет в дневнике за 1895 год аббревиатура *е. б. ж.* встречается уже 25 раз, то есть в два раза чаще, а несокращенная единица – всего 2 раза.

7. Парольная функция.

Парольная функция состоит в том, что некое слово (словосочетание) понятно не всем, а только людям одного круга, связанным друг с другом определенными отношениями (семейными, профессиональными) или обладающим знаниями в определенной области. Данную функцию выполняют как камерные, так и крылатые инновации Л.Н. Толстого.

Показательно в этом плане слово *труба*, которое в переписке писателя с дальней родственницей А.А. Толстой служило обозначением придворного мира, в частности круга великой княгини Марии Николаевны, чьей фрейлиной была А.А. Толстая: «Я сгрустился без известий об вас. Как вы поживаете *в трубе*? <...> Позовите меня к себе в гости на соловьев или приезжайте сюда с *трубочистами*. Прощайте, от души жму вам руку. Сделайте от меня какую-нибудь аванию <от французского *avanie* – обида, неприятность> *ТРУБЕ*» (из письма Л.Н. Толстого к А.А. и Е.А. Толстым от 21–23 апреля 1857 г.) [11, т. 60, 183]. Трубочистами Толстой, очевидно, называет придворных.

В качестве примера использования в парольной функции общеупотребительных инноваций Л.Н. Толстого можно привести следующую распространенную в сети интернет-презентему. Визуальный ряд представляет собой фотографию кухонного комбайна с чашей и опущенным в нее венчиком для взбивания. Вербальная часть – надпись на приборе: «Дом Облонских». Понять, что обозначает данная интернет-презентема, может не каждый человек, а только тот, кто знает если не все содержание романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», то хотя бы крылатую фразу из этого произведения: «Все смешалось в доме Облонских». Таким образом, данная интернет-презентема служит своеобразным паролем для распознавания ментально своих.

8. Функция самоидентификации.

Ряд толстовских новообразований выполняют функцию самоидентификации. В данной функции выступают исключительно идионовации, то есть те единицы, которые использовал только сам Толстой, говоря о себе, или (в редких случаях) кто-либо из его ближнего окружения, но всегда с маркерами, отсылающими к автору. Так, Лев Толстой нередко называл себя в шутку по-французски *une machine à écrire* (машиной для писания): «Ты не можешь себе представить моего приятного чувства свободы по окончании моей работы. Я перестал чувствовать *une machine à écrire*» (из письма к жене, С.А. Толстой, от 29 января 1884 г.) [11, т. 83, 416]. С этой единицей семантически и по выполняемой функции связана другая – *машина испортилась*. Так говорил о себе Толстой, когда чувствовал себя плохо, слабо по причине болезни, старости, предчувствия близости смерти. Данная единица означала также потерю интереса к занятию литературным творчеством. Жена писателя С.А. Толстая отмечает в своем дневнике: «Сегодня он говорил, что жизнь его приходит к концу, что *машина испортилась*, что пора; а вместе с тем я вижу, что отношение его к смерти очень враждебное...» (из дневника С.А. Толстой от 8 февраля 1898 г.) [9, 351].

Анализ функционирования толстовских инноваций показывает, что одна и та же единица может выполнять разные функции при использовании ее в разных контекстах, а также одновременно выполнять разные функции при употреблении в одном и том же контексте.

1. Архангельская Ю.В. *Инновационный модус языковой личности Л.Н. Толстого: прагматический аспект* // *Филологос*. Вып. 4(39). Елец, 2018. С. 100–105.

2. Архангельская Ю.В. *Инновационный модус языковой личности Л.Н. Толстого: типологический и терминологический аспекты* // *Филологос*. Вып. 1(52). Елец, 2022. С. 12–19.

3. Гусев Н.Н. *Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909*. М., 1973.

4. Даймонд Д.М. «Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ» / пер. с англ. М.В. Колопотин. М., 2010.

5. Левкиевская Е.Е. *Славянский оберег. Семантика и структура*. М., 2002.

6. Сиротин Виктор. Принцип Анны Карениной в программировании и ИТ. URL: <https://habr.com/ru/post/345988/> (дата обращения: 30.11.2022).
7. Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1987.
8. Тимковский Н.И. О Л.Н. Толстом // Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1955. Т. 1.
9. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862–1900 гг. М., 1978. Т. 1.
10. Толстой Илья. Мои воспоминания. М., 2000.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное). М., 1928–1958.
12. Швецова (Хилько) О.В. Кризис среднего возраста, синдром Анны Карениной у матерей и его влияние на детей // Инновационные результаты исследований в сфере естественных, технических и гуманитарных наук: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 ноября 2021 г. Белгород, 2021. С. 120–123. URL: <https://apni.ru/article/3174-krizis-srednego-vozrasta-sindrom-anni-karenin> (дата обращения: 30.11.2022).
13. Gorban A.N., Smirnova E.V., Tyukina T.A., *Correlations, Risk and Crisis: From Physiology to Finance* (Архивная копия от 19 апреля 2018 на Wayback Machine), *Physica A*, Vol. 389, Issue 16, 2010, pp. 3193–3217.